
К 250-летию Е. Ф. Канкрин

Лев БЕРДНИКОВ

ГЛУБОКИЙ ЭКОНОМ

«В государстве Российском есть два человека, обязанные служить до самой смерти: я и ты», — говорил графу Егору Францевичу Канкрину (1774–1845) император Николай I. И в такой высокой оценке деятельности сего государственного мужа царь был не одинок. Рассказывали о его «гениальной даровитости», «изумительной проницательности» и «мудрой бережливости». Ведь более чем за 20 лет на посту министра финансов Канкрин сделался человеком, незаменимым для империи: он остановил инфляцию, добился бездефицитности бюджета, укрепил рубль, способствовал развитию отечественной промышленности. Не правда ли, такие достижения были бы очень своевременны и важны и в наши дни, своевременны для современной России?

Родился он в г. Ханай-ам-Майн (земля Гессен, Германия), исповедовал лютеранство и своей наружностью походил на натурального пруссака; по-русски говорил с сильным немецким акцентом. Многие и воспринимали его как этнического немца. И не случайно, что и сегодня он включен в авторитетный справочник «Немцы России» (Т. 2. М., 2004. С.26–27).

Но бдительных национал-патриотов, поднаторевших в разоблачениях тайных евреев, не проведешь! Почвенник Андрей Дикий объявляет, что Канкрин оказывается не кто иной, как «сын литовского раввина». К нему присоединяется и Александр Солженицын, который в своей книге «Двести лет вместе» также аттестует этого николаевского министра «сыном раввина».

В действительности же отец нашего героя, Франц Людвиг Канкрин (1738–1816), ни к иудаизму, ни к Литве никакого отношения не имел. А между тем его почитают «очень видным деятелем своего времени». И славу он себе снискал на научном и пи-

Лев Иосифович Бердников родился в 1956 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской государственной библиотеки, где в 1987–1990 годах возглавлял научно-исследовательскую группу русских старопечатных изданий. В 1985 году защитил диссертацию «Становление сонета в русской поэзии XVIII века». С 1990 года живет в Лос-Анджелесе. Автор девяти книг и нескольких сотен публикаций в России, США, Канаде, Англии, Израиле, Германии, Дании, Латвии, Украине, Беларуси, Молдове. Тексты Л. Бердникова переведены на иврит, украинский, датский и английский языки. Член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Союза русскоязычных писателей Израиля. Член редколлегии журналов «Новый берег» (Дания) и «Семь искусств» (Германия), зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Почетный дипломант Всеамериканского культурного фонда им. Булата Окуджавы.

сательском поприщах — печатал собственные сочинения по технологии, архитектуре, горному делу, юридическим вопросам и т. д. Он был настолько плодовит, что изданные им сочинения могли бы составить небольшую домашнюю библиотеку. Какое-то время Канкрин-отец заведовал горным, соляным и строительным делом при различных германских дворах (которых тогда насчитывалось около сотни!), причем из-за своего строптивного нрава долго на одном месте не задерживался. Наконец в 1783 году он благодаря своей известности опытного инженера с почетом был принят на российскую службу, где получил и надлежащий оклад, и генеральский чин, и пост директора солеваренных заводов, а впоследствии стал и членом Горной коллегии. Среди сочинений Франца Людвига отметим посвященный Екатерине II капитальный труд в десяти частях «Первые основания искусства горных и соляных производств» (СПб., 1785—1791), изданный сначала на немецком, а затем на русском и французском языках. За заслуги перед государством ему был пожалован дом в Адмиралтейской части, № 29 и орден Св. Владимира 3-й степени. В отставку же он вышел в 1812 году с пенсионом 3465 рублей...

И все же подозрение, что его сын Егор Канкрин еврей, не лишено оснований. Только раввином был не отец, а дед Егора Францевича. Осведомленный современник Филипп Вигель, говоря об этом, замечает: «Наука была наследственное имущество в его семействе. Дед, раввин Канкринус, принявший не во святом, а в реформатском крещении имя Людовик, весьма известен был не целому, а всему немецкому ученому миру». Версии о еврейском происхождении Канкриных придерживались и Александр Рибопьер в своих «Записках», и Бенджамин Дизраэли в своем знаменитом романе «Конигсби». Причем российские придворные остряки зубоскалили на сей счет, вопрошая, «талмудист он или караим», и утверждали, что «еще дед Канкрин назывался „Krebs“, откуда посредством перевода на латинское „Cancer“, и сочинили настоящую его фамилию, чтобы не так выдавать наружу жидовство». А современный историк Владимир Новиков уточняет, что основатель рода, еврей Канкринус, также жил в земле Гессен и христианство с новым именем принял в первой трети XVIII века.

По всей видимости, Егору Канкрину (как, впрочем, и его отцу) были неведомы ни иудейская религия, ни идишская культура. И сам он, понятно, не осознавал свою принадлежность к еврейству. Но как отмечал тот же Вигель, «несмотря на то, что Егор Канкрин любил *выдавать себя* за немца... живость *другого* происхождения проявлялась не в действиях, не в поступи его, а в речах: он был чрезвычайно остер».

Именно эта «чрезвычайная острота» (наследственная черта Канкриных) проявилась у Егора еще в отроческие годы. Здесь несомненно влияние отца, пристрастившего его к техническим дисциплинам и юриспруденции, обострившими его восприимчивый ум. Егор легко и жадно учился, подхватывая на лету самую суть рассматриваемого вопроса. Получив в гимназии классическое образование (он и в зрелые годы «знал довольно по-латыни»), Канкрин поступает сначала в Гессенский, а затем переходит в Марбургский университет, который успешно заканчивает в 1794 году с дипломом доктора права. К студенческим годам относится первая проба его пера — «Дагобер, роман из теперешней войны за освобождение». И уже тогда Канкрин заявил о себе и как об истом государственнике, подчеркнув, что усилия любого правительства должны быть направлены прежде всего к сбережению народа и достижению величия страны.

После окончания университета Егору не удалось найти работу на родине, и в 1798 году он отправился в Россию, где уже нес службу его отец. Однако из-за неуступчивости характеров обоих Канкриных с отцом он вскоре рассорился, в результате чего остался без средств к существованию. Обосновавшись в Петербурге, он, хотя и был пожа-

лован немалым чином — надворного советника, не получил ни должности, ни места. Не зная русского языка, Егор не гнушался никакой работой: занимался репетиторством, работал бухгалтером у богатого откупщика, а затем был секретарем у предпринимателя Абрама Перетца (1771—1833). По словам самого Канкрина, он «был писцом, комиссионером, казначеем, но дураком никогда не бывал». Почти три года Канкрин-младший прожил на грани бедности, о чем говорил как о «самой строгой школе жизни», и именно в это время в нем выработалась привычка к бережливости, к простому, умеренному образу жизни, что впоследствии будет так резко выделять его среди других высших сановников империи. Экономность проявилась вполне и тогда, когда он станет министром. Впрочем, в нем не было душевной черствости, что отличает скареда: напротив, он всегда был готов прийти на помощь бедным и нуждавшимся, ибо сам все это пережил и выстрадал.

В 1800 году Фортуна наконец улыбнулась Егору: он составил записку об улучшении овцеводства в России, которая понравилась вице-канцлеру, графу Ивану Остерману (1725—1811). Благодаря его покровительству Егор был назначен сначала помощником к своему отцу на солеваренные заводы, а в 1803 году переведен в Министерство внутренних дел, в Экспедицию государственных имуществ. Знания, распорядительность, деловая хватка сочетались в Канкрине с подкупающей простотой в обращении, что обеспечило ему и уважение коллег, и быстрый служебный рост: уже через шесть лет он получил чин статского советника. Подобный карьерный взлет был тем более примечателен, что Канкрин никогда не проявлял низкопоклонства и угодничества перед начальством. Показателен в этом отношении случай со всеильным графом Алексеем Аракчеевым (1769—1834), который попытался было свысока разговаривать с Канкриным, а тот, ни слова не сказав, демонстративно ушел. Аракчеев извлек урок из сего демарша: он пригласил Канкрина отобедать и обращался с ним уже вполне любезно и предупредительно. Более того, он стал деятельным покровителем нашего героя и всемерно радел о его дальнейшей карьере.

Занимаясь ревизией и устройством лесного хозяйства и соляных промыслов, Егор Францевич по долгу службы объездил многие губернии, в том числе и российскую глубинку. Он внимательно знакомился с естественными богатствами этой своей новой родины. По его собственному признанию, он искренне полюбил этот народ и его язык, да и сам «сделался русским душою». Современники отмечали, Канкрин часто сыпал меткими русскими пословицами, что в сочетании с характерным немецким акцентом и не вполне правильной грамматикой производило забавное впечатление. Обращаясь к собеседнику, он неизменно называл того «батюшка» (так произносил он слово «батюшка»).

В 1809 году Канкрин публикует труд «Отрывки, касающиеся военного искусства с точки зрения военной философии», выдержавший два издания. В этой работе он, в частности, высказал мысль, что во время войны государство должно использовать как свое преимущество географические факторы: обширность территории, протяженность коммуникаций, суровость климата и т. д. Этот труд вызвал большой интерес в военных кругах, ибо тогда живо дебатировался вопрос: какой должна быть возможная война с Наполеоном Бонапартом — наступательной или оборонительной. Внимание к автору «Отрывков...» проявил и военный министр Михаил Барклай де Толли (1761—1818), который, по словам историка, «оценил пылкого, талантливое и образованного юношу». Высоко отзывался о нем и военный теоретик генерал Карл Людвиг Пфуль (1757—1826), да и сам император Александр I, который получил о Канкрине такую справку: «знающий и способный человек, но с плохим характером».

Егора Францевича тут же привлекли к разработке планов будущей войны, где вопросы снабжения играли большую роль. В 1811 году его уже назначили помощником генерал-провиантмейстера с чином действительного статского советника (генерал-майора), а в самом начале войны — генерал-интендантом всех действующих войск. Отметим также, что под руководством Канкрин провиант для русской армии бесперебойно поставляли предприниматели-евреи Николай (1772—1820) и Людвиг (1779—1843) Штиглицы, а также тот же Абрам Перетц, впоследствии разорившийся на этих поставках. Это благодаря энергии и организаторскому таланту Канкрин русская армия в ходе военных действий была хорошо материально обеспечена, и в этом отношении война 1812—1815 годов выгодно отличалась от последующих — Крымской, например, когда из-за казнокрадства и злоупотреблений чиновников солдаты часто оставались без хлеба и в худых сапогах. При этом расходы на содержание войск, осуществленные Канкриным, поражали своей скромностью — 157,5 млн руб. за три года войны (напомним, что один только первый год Крымской кампании обошелся России в 300 млн руб.). Определяющую роль в этом сыграла безупречная честность самого генерал-интенданта. Ведь будучи бесконтрольным хозяином армейских денег, он мог бы получить миллионные взятки. Канкрин же, наоборот, проделал скрупулезнейшую работу по проверке счетов поставщиков и уплатил по ним только одну шестую часть, доказав, что все остальные претензии незаконны.

Способности Егора Францевича высоко ценил Михаил Кутузов-Смоленский (1745—1813), который пользовался его советами и предложениями. Особенно восхищала фельдмаршала изумительная способность Канкрин обеспечить снабжение частей в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Так, не участвуя непосредственно в баталиях, он снискал славу подлинного героя войны. В мае 1813 года, когда в дни тяжелейшего сражения в Бауцене (Саксония) на узком участке фронта сосредоточилось около 200 тысяч союзных войск, Александр I, посетовав на архитрудное положение, лично обратился за помощью к Канкрину. И надо отдать должное генерал-интенданту — тот с блеском справился с поставленной задачей: провиант к месту назначения был доставлен вовремя. Кутузов однажды спас Канкрин, когда тому грозила неминуемая отставка. А все потому, что Егор Францевич заступился за жителей одного немецкого городка, страдавших от бесчинств союзных войск, чем навлек на себя гнев самого великого князя Константина Павловича. Фельдмаршал заявил великому князю: «Если вы будете устранять людей, мне крайне нужных, таких, которых нельзя приобрести и за миллионы, то я сам не могу оставаться в должности». За заслуги перед Россией за время кампании 1812—1815 годов Егор Канкрин был награжден орденом Св. Анны 2-й и 1-й степеней, орденом Св. Владимира 2-й степени, а также множеством иностранных орденов.

По окончании войны Канкрин какое-то время остался не у дел: он числился лишь членом Военного совета без определенных обязанностей. В 1816 году он женился на Екатерине Захаровне Муравьевой (1796—1848), двоюродной сестре будущего декабриста Сергея Муравьева-Апостола, с которой познакомился на балу при штабе Барклая де Толли. Брак этот был очень счастливым: Екатерина Захаровна, которую он ласково называл Сахаровна, стала и музой, и верной помощницей своему неутомимому супругу. Правда, она была большой мотовкой, что, конечно же, претило прижимистому Канкрину. «И странное, батюшка, дело, — жаловался он приятелю, — все государственные операции удаются мне как нельзя лучше, а как только примусь устраивать что-нибудь в собственных своих делишках, то тотчас попадаю впросак, как кур в ощиц». Впрочем, жена была мастерица утишать все домашние бури. В браке у них родилось четверо сыновей и две дочери.

Замечательно, что этот иноземец на русской службе был озабочен судьбой крестьянства, текущее положение которого было, по его мнению, «противно божеским и человеческим законам... У меня сердце обливается кровью, что все еще существуют рабы, крепостные, ирландские крестьяне, английские фабричные рабочие и пролетарии более или менее везде». В 1818 году он подал императору свое «Исследование о происхождении и отмене крепостного права или зависимости земледельцев преимущественно в России», где предложил поэтапный план освобождения русских крестьян с их постепенным выкупом за счет средств специального заемного банка. Предполагалось окончательно объявить землю собственностью крестьян к 1850 году. К сожалению, предложения эти были оставлены правительством без должного внимания. «Если бы его план был принят, — отмечал историк, — наша государственная и экономическая жизнь развивалась бы более нормально, и освобождение крестьян не вызвало бы того сильного потрясения всей экономической жизни России, какое было неизбежным следствием реформы 1861 года».

Канкрину неоднократно поступали лестные предложения европейских монархов перейти к ним на службу, причем на самых выгодных условиях, на что он отвечал категорическим отказом. Известна фраза Канкрин из его выступления в Государственном совете, в члены которого он был определен в 1821 году: «Вы толкуете, что скажет Европа, а никогда не думаете, что скажет бедная Россия».

Ощутимый вклад внес Канкрин и в современную ему науку. Он издал на немецком языке две монографии: «О военной экономике во время войны и мира» (1820—1823) и «Мировое богатство, национальное богатство и государственная экономика» (1821). Во втором труде автор, по существу, излагал собственную программу управления финансами страны. «Надо чуждаться крайностей, избегая четырех великих апокалипсических зверей: понижения достоинства монеты, бумажных денег, чрезмерных государственных долгов и искусственного накопления торгового капитала, и приводить в строгое соответствие расходы с естественными доходами, стремясь увеличить последние путем поощрения народного труда, порядком и хорошим управлением и только в крайнем случае прибегая к умеренным займам, чтобы их погашать при первой же возможности». Эти мысли абсолютно актуальны и в наши дни, равно как для всей глобальной экономики Европы. Канкрин подверг сокрушительной критике действия тогдашнего министра финансов Дмитрия Гурьева (1758—1825), между прочим сделавшегося широко известным благодаря изобретенной им так называемой «гурьевской каше». Говорили, что финансистом был он аховым, «обладал неуклюжим умом, ему было трудно сохранять баланс суждений». Когда в 1823 году Канкрин сменил Гурьева на сем посту, новый министр последовательно и энергично стал проводить в жизнь выстраданные за много лет собственные экономические теории. Финансист Иван Блюх (1836—1902) пояснил: «Граф Канкрин был почти единственным государственным человеком, у которого практическая деятельность была суммой теоретических выводов и результатом научных исследований — именно в то время, когда „фельдфебели в Вольтеры назначались“». Неудивительно, что никто так долго не оставался на этом посту в России, как Канкрин, — 21 год!

В каком же состоянии досталось новоявленному министру государственное хозяйство империи? Можно без преувеличения сказать, что положение дел было катастрофическим. К 1801 году общий долг государства составлял 408 млн руб. При этом расходы все увеличивались, доходы же сокращались; дефицит равнялся иногда седьмой части всех доходов; мануфактурная промышленность не развивалась; дешевизна хлеба вела к разорению сельских тружеников; торговые обороты внутри страны бы-

ли ничтожны; обороты внешней торговли упали со 130 до 92 млн руб. Вместе с тем произошел значительный отток металлических денег за границу; ценность же ассигнационного рубля упала до 25 копеек. Потому-то не было никакой прочной денежной единицы: бумажные деньги и медная монета постоянно колебались в цене. И главное — денег в государственной казне вовсе не было.

В первую голову Канкрин направил усилия на борьбу с дефицитом бюджета и на создание золотого запаса, беспощадно расправлялся со взяточниками и казнокрадами. Как результат бюджет Военного министерства был сокращен на 20 млн руб., бюджет Министерства финансов — на 24 млн руб. Только за первые годы его правления расходы снизились на одну седьмую, и государственная казна получила дополнительно 160 млн руб. Не случайно, что уже через год пребывания на министерском посту Канкрин пожаловали орденом Св. Александра Невского.

Стремясь увеличить золотой запас, Егор Францевич подчас прибегал к таким экономическим мерам, которые сам в принципе не одобрял. Так, в 1827 году он ввел откупную систему на винную торговлю, о чем в сердцах говорил: «Тяжело заведовать финансами, пока они основаны на доходах от пьянства». Однако именно в результате этой меры прибыль возросла с 79 до 110 млн руб., а увеличение ввозных таможенных пошлин принесло казне еще 50 млн руб. В то время как, впрочем, и сегодня, протекционизм был полезен для развития слабой отечественной промышленности, хотя в дальнейшем отсутствие иностранной конкуренции могло бы принести экономике империи ощутимый вред.

Исключительное внимание Канкрин уделял горнодобывающей промышленности, доходы которой увеличились с 8 до 19 млн руб., а добыча золота — до 1 тыс. пудов. А его «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского, по правилам лесной науки и доброго хозяйства» стала лучшим для того времени учебником лесоводства. При нем было создано и Алешковское лесничество, призванное сдерживать расширение Алешковских песков — крупнейшего песчаного массива в Европе.

Егора Францевича можно с полным основанием назвать и ревнителем российского просвещения. «Россия совсем не имеет располагающего средними теоретическими знаниями класса людей, которые ей крайне нужны в самых разнообразных отраслях труда», — писал он знаменитому ученому-натуралисту Александру фон Гумбольдту (1769—1859). И показательно, что Канкриним был основан Петербургский практический технологический институт, обустроен и расширен созданный еще Петром Великим Лесной институт, который современники так и называли — «Канкринополь». По его инициативе обрели также жизнь Горный институт, Горыгорецкий земледельческий институт. Он покровительствовал рисовальным школам при Академии художеств с одним из первых в Европе гальванопластическим отделением, Третьей московской гимназии, школам торгового мореходства в Петербурге и Херсоне, мореходным классам в Архангельске и в Кеми. При этом Канкрин открывал специальные классы для девушек, что было тогда существенным нововведением.

Министр дерзал перечить даже Николаю I, отказывая ему в деньгах, предназначавшихся, по его мнению, на бесплодные расходы. Но при свойственной ему бережливости никогда не жалел средств на нужды образования. «Да, батюшка, я — скряга на все, что не нужно», — любил повторять он. Дело дошло до того, что, соблюдая государственные интересы, он иногда давал пособие просителям из собственного кармана.

Канкрин организовывал обучение за границей молодых россиян, следил за последними зарубежными промышленными новинками, устраивал выставки для сорев-

нования между фабрикантами — словом, пускал в ход все средства, чтобы дать толчок развитию русской промышленности. Он основал «Горный журнал», «Коммерческую газету»; благодаря его инициативе издавалась и «Земледельческая газета», редактором которой был назначен бывший директор Царскосельского лицея Егор Энгельгардт (1775—1862), хорошо знакомый с вопросами сельского хозяйства. Для того чтобы эта газета стала общедоступной, Канкрин выделил на нее пособие из казны, так что годовая подписка обходилась в сумму менее рубля. Он также добился того, что среди корреспондентов газеты было немало крестьян, которые сообщали о своем практическом опыте в области сельского хозяйства. В этой же газете была напечатана статья Канкринина о разделении России на пояса по климату, обратившая на себя внимание ученых Европы. А немецкий исследователь на русской службе Карл Фридрих фон Лебедур (1786—1851) посвятил ему капитальный труд «Flora Rossica», напечатанный на средства министра. Примечательно, что Канкрин был принят в члены престижной Парижской академии, причем на специальном заседании, посвященном этому событию, ученые мужи приветствовали его стоя.

Егору Францевичу удалось убедить Николая I пригласить в Россию фон Гумбольдта. На его путешествие в районы Урала, Рудного Алтая и Каспийского моря были ассигнованы значительные суммы, причем на каждой почтовой станции ученого натуралиста ожидала смена лошадей, а там, где того требовали условия безопасности, сопровождал и военный конвой. Результатом экспедиции стала монография «Центральная Азия», явившаяся крупным вкладом в науку XIX века. «Вам я обязан, что этот год вследствие огромного числа идей, собранных мною на громадном пространстве, сделался важнейшим в моей жизни», — писал Гумбольдт Канкрину в 1829 году, подводя итоги своего путешествия по России. Год этот оказался важнейшим и в жизни Канкринина, ибо именно тогда император пожаловал его графским титулом. И на это событие откликнулся Гумбольдт: «Этот внешний блеск будет напоминать потомству достопамятное время, когда под Вашим руководством русские финансы процветали...» — писал он новоявленному графу. Примечательно, что на графском гербе Канкринина начертан девиз: «Labore» («Трудом»).

Николай I высоко ценил труды Канкринина и награждал его по-царски. Он удостоился ордена Св. Владимира 1-й степени, алмазных знаков к ордену Александра Невского, знаков отличия «За XXV лет беспорочной службы», «За XXXV лет беспорочной службы», орденом Белого орла (царство Польское). В 1832 году Егор Канкрин стал кавалером высшего российского ордена — Св. Андрея Первозванного. Как значилось в наградном листе, он был удостоен сей чести за «управление министерством финансов, отличную благоразумную попечительность и непоколебимое рвение к благоустройству сей важной части государственного управления, за многие полезные предначертания, точное исполнение оных и бдительный надзор». В 1834 году он получил и алмазы к этому ордену. Семья Канкринина получила во владение и аренду староство Чигиринское в Киевской губернии, 50 тыс. десятин земли в Бессарабской губернии, Бальдонское поместье в Курляндии, а также сотни тысяч рублей и т. д.

В 1838 году Канкрин читал лекции по финансовой науке наследнику престола Александру Николаевичу (будущему Александру II) (лекции эти напечатаны в 1880 году под заглавием «Краткое обозрение российских финансов графа Е. Ф. Канкринина»).

Но наиболее заметной вехой в истории России явилась предпринятая Канкриним денежная реформа 1839—1843 годов. В июне 1839 года был обнародован указ, в котором провозглашалось: «Серебряная монета впредь будет считаться главной мерой обращения. Ассигнации будут считаться впредь второстепенными знаками ценно-

стей и их курс против серебряной звонкой монеты один раз навсегда остается неизменным, считая рубль серебра за 3 р. 50 к. ассигнациями». Канкрин рассудил за благо учредить специальную кассу, которая выдавала желающим депозитные билеты взамен монеты, с обязательством по первому же требованию вернуть серебряные деньги. Он добился того, что этот депозитный фонд стал пользоваться доверием у населения и быстро рос; когда же он достиг суммы в 100 млн руб., то был торжественно перевезен в Петропавловскую крепость в присутствии сановников и представителей дворянства и купечества. Эта торжественная процедура знаменовала собой отказ России от бумажно-денежного обращения и установление в ней серебряного монометаллизма. Наконец в 1843 году был издан манифест о полном уничтожении ассигнаций и замене их кредитными билетами: 596 млн руб. ассигнациями были обменены на 170 млн руб. кредитными билетами. Граф Модест Корф (1800—1876) так характеризовал представленные Канкриным образцы: «Белые, синие, красные и желтые. Это настоящее загляденье, и ни одна держава в мире не имеет таких прелестных денег».

Как известно, авторитарный Николай I требовал от своих министров не столько самостоятельных действий, сколько строгого подчинения и выполнения своих приказаний. Канкрин же, являя собой пример личности яркой и самобытной, был исключением: император допускал возражения с его стороны и прислушивался к нему, прекрасно понимая, что другого такого государственного мужа ему не сыскать. Государь прощал Канкрину его неопрятную шинель, панталоны, заправленные в голенища сапог, шерстяной шарф, обвязанный вокруг шеи, хотя от других требовал неукоснительного соблюдения всех правил ношения военной формы. Однажды он сделал Канкрину замечание, на что тот ответил: «Ваше Величество не желает, конечно, чтобы я простудился и слег в постель; кто же тогда будет работать за меня?» Император не только смирился с его неаккуратностью в одежде, но сам, не терпя курение, разрешал Канкрину на докладах попыхивать своей пеньковой трубкой, набитой дешевым табаком.

Егор Францевич не был человеком светским: избегал официальных приемов, балов, празднеств, но был страстным любителем поэзии, музыки, архитектуры. Истый меломан, Канкрин сам играл на скрипке, писал театральные рецензии, а также повести и рассказы, которые вышли в 1844 году под общим заглавием «Фантазии слепого»; регулярно вел дневник. Его перу принадлежит и оригинальный труд «Элементы прекрасного в зодчестве» (1836).

Несмотря на затворнический образ жизни, он нередко принимал у себя литераторов — Василия Жуковского (1783—1852), Нестора Кукольника (1809—1868), Петра Вяземского (1792—1878), Ивана Крылова (1769—1844), Владимира Бенедиктова (1807—1873), кстати, сочинившего в его честь стихотворное послание:

Правительственный сан! Огромные заботы!
Согбен под колесом полезной всем работы,
Угодничества чужд — он был во весь свой век
Советный муж везде и всюду — человек!
Иного ободрит улыбкою привета,
Другому ждущему на свой вопрос ответа,
На иностранный лад слова произнося,
Спокойно говорит: «Нет, батюшка, нелься»...

Деятельное участие принял Канкрин в судьбе Александра Пушкина. По его ходатайству поэту были прощены числившиеся за ним долги на сумму более 135 тыс. руб.,

а 50 тыс. руб. пожаловано на издание его сочинений; министр определил пенсию вдове — 5 тыс. руб.; а на воспитание каждому из четырех детей — 1,5 тыс. руб. в год до вступления сыновей в Пажеский корпус, а дочерям — до замужества.

Человек завидного остроумия, он в своих высказываниях так и сыпал образами, метафорами, меткими сравнениями и сопоставлениями. По этому поводу сохранилось множество анекдотов. Рассказывают, что однажды Канкрин жаловался императору, что в одном проекте, в обсуждении которого он принимал участие, много огрехов. «Почему же ты не возражал против них во время его обсуждения?» — спросил государь. «Ваше Величество, читали так скоро, точно охотились за бекасами: параграфы, как бекасы, летели во все стороны. Один-другой подметил и подстрелил на лету, а прочие пролетели мимо», — ответил Канкрин. Министра государственных имуществ Павла Киселева (1788—1872) он называл не иначе как «министром преимуществ».

Однажды он спросил директора департамента: «По каким причинам хотите вы уволить от должности этого чиновника?» — «Да стоит, ваше сиятельство, только посмотреть на него, чтобы получить к нему отвращение: длинный, сухой, неуклюжий немец, физиономия суровая, рябой», — отвечал тот. «Ах, батюшка, да вы это мой портрет рисуете! Пожалуй, вы и меня захотите отрешить от должности». О себе же граф говаривал, что немец похож на капусту: чтобы она была хороша, ее нужно пересадить. В другой раз Егора Францевича спросили, почему он никогда не бывает на похоронах. Он ответил: «Человек обязан быть на похоронах только один раз: на своих собственных». Когда ему предложили написать свою автобиографию, он сказал: «Я слишком правдив, чтобы наслаждаться чувством своей правдивости».

Под конец жизни Егор Францевич часто хворал. До нас дошел диалог двух остроумцев: «Какие сегодня известия о здоровье Канкринина?» — «Самые дурные: ему гораздо лучше». Правда то, что, ссылаясь на старость и болезни, он упорно просил об увольнении, прекрасно зная, что Николай I станет уговаривать его остаться. Государь об этом и слышать не хотел. «Поезжай, — сказал он Канкрину, — коли нужно, на полгода, на год, на два года; управлять за тебя будет товарищ, но в отставку ни под каким видом не выпущу». Казалось, он так и умрет на посту министра финансов, «хотя бы ему выцарапали глаза или совсем затоптали в грязь».

Но болезнь усугублялась. Вот как в 1843 году описывает Канкрин Модест Корф: «Это ходячая мумия, в которой почти совсем уже угасает жизнь физическая, и остаются только слабые лишь следы и вспышки прежней интеллектуальной. Прежде все существование его проходило в исполинский деятельности... огромной в своих результатах. Теперь заведенные часы идут кой-как, но все пружины засорились, и везде застой и остановка».

В 1844 году он все же вынужден был уйти со своего поста. Однако и после отставки старался без дела не сидеть: продолжал работу над завершением главного своего труда «Экономика человеческого общества и финансовая наука одного бывшего министра финансов». Он умер в Павловске 9 (21) сентября 1845 года. Траурная процессия шествовала по Невскому проспекту и Адмиралтейской площади на Смоленское лютеранское кладбище, а впереди ее несли ордена на подушках двенадцать полковников. Незадолго до кончины он оставил в дневнике такую запись: «В течение всей моей жизни, в веселые и горестные дни, я стремился лишь к одной цели: делать людям добро, содействовать успехам, заимствовать полезное, распространять знания и цивилизацию. Те, кто меня знает, могут сказать, достиг ли я чего-нибудь и в какой мере...»

Еще при жизни, в 1836 году, Егору Францевичу был воздвигнут памятник в поселке Лисино-Корпус, прямо перед зданием Лесного института, его «Канкринополем».

Разрушенный в советское время, он был восстановлен в 1997 году скульптором Николаем Анциферовым. А в 2003 году бюст Канкрин устроили на кронштейне фигурного профиля у парадного входа в Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна. В честь него назван род растений из семейства астровых — канкриния, а также минерал канкринит, открытый на Урале.

Но вернемся к тем национал-патриотам, которые более всего озабочены химическим составом крови этого выдающегося деятеля, а не его реальными заслугами перед Россией. Так, русский эмигрант Питирим Сорокин в своей книге «Россия и Соединенные Штаты» (1944) прямо называет его «евреем»; и другой националист также говорит о нем как о «еврее-графе Канкрине». На самом же деле Егор Францевич едва ли ощущал свою принадлежность к еврейству. Американский исследователь Майкл Станиславский в своей книге «Царь Николай I и евреи» (1983) отнес его к числу традиционалистов-прагматиков, которые хотя и не были согласны с некоторыми репрессивными мерами царя, в целом разделяли его имперские взгляды. Впрочем, иные находили в нем и всамделишные еврейские гены. «Канкрин действительно соединял в себе много характеристических черт еврейского племени, — отмечал историк Ростислав Сементковский, — у него был живой темперамент, чрезвычайно острый ум, он любил науку и литературные занятия и в то же время отлично уяснял себе требования реальной жизни, был чрезвычайно практичен, расчетлив и вместе с тем увлекался поэзией, искусством, любил прекрасное во всех его проявлениях, а сам производил далеко не эстетическое впечатление как своими резкими, угловатыми манерами, так главным образом небрежностью в костюме». Как бы там ни было, но вклад этого «сына раввина» в российскую историю и культуру поистине неоценим.